

УДК 321

К вопросу о типологизации диалогических интеракций между государством и организациями гражданского общества в сфере публичного дискурса

Зайцев Александр Владимирович, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, доктор политических наук, доцент

aleksandr-kostroma@mail.ru

Аннотация: В современном социогуманитарном знании существует огромное количество определений диалога. Однако то, что представляет собой диалог государства и гражданского общества, а также какие кластеры (типы) этого диалога можно вычлениить из всего многообразия нарративных практик остается недостаточно ясным и исследованным не только в политологии, но и в смежных с ней социогуманитарных науках и дисциплинах. В ходе проведения исследования автором работы были применены системный, компаративно-сравнительный, диалектический, исторический, дискурсивный, нарративный и другие общенаучные и специальные методы исследования. Данная публикация, пусть и частично, посвящена ликвидации данной объективно существующей лакуны. В результате проведенного исследования выявляются основные подходы для типологической дифференции и кластеризации схожих по отношению друг к другу интеракций между государством и гражданским обществом в контексте публичной политики современной России. Главным выводом из данного исследования является тезис о том, что для создания научно обоснованной типологии диалога государства и гражданского общества существуют вполне реальные объективные критерии и маркеры. **Ключевые слова:** государство, гражданское общество, диалог, коммуникация, дискурс, кластер, типология.

UDC 321

On the typology of dialogic interactions between the state and civil society organizations in public discourse

Zaytsev Aleksandr Vladimirovich, professor of the department of philosophy, cultural studies and social communications of Kostroma State University, doctor of sciences (policy), associate professor

aleksandr-kostroma@mail.ru

Annotation: In modern socio-humanitarian knowledge, there are a huge number of definitions of dialogue. However, what constitutes a dialogue between the state and civil society, as well as what clusters (types) of this dialogue can be distinguished from the whole variety of narrative practices, remains insufficiently clear and studied not only in political science, but also in related socio-humanitarian Sciences and disciplines. In the course of the research, the author applied systematic, comparative, dialectical, historical, discursive, narrative, and other General scientific and special research methods. This publication, albeit partially, is devoted to the elimination of this objectively existing gap. The study reveals the main approaches for typological differentiation and clustering of similar interactions between the state and civil society in the context of public policy in modern Russia. The main conclusion of this study is the thesis that there are very real objective criteria and markers for creating a scientifically based typology of the dialogue between the state and civil society. **Keywords:** state, civil society, dialogue, communication, discourse, cluster, typology.

Утверждение необходимости дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества в режиме диалога превратилось в современной политической науке (и в политической практике также) в формальный ритуал, шаблон, трафарет, штамп. Тем более что понятие «диалог» используется, наряду с политологией, еще и в целом ряде смежных наук. В российской политической науке до сих пор не существует системных и глубоких исследований диалога государства и гражданского общества. Как и гражданского диалога, социального и общественного диалога, диалогических форматов в PR и GR-коммуникациях.

«Распространенность, обычность диалога столь на первый взгляд интуитивно достоверна и очевидна, что это порой ведет к взгляду на диалог как на нечто недостойное особого исследования», — пишет философ-логик К. Д. Скрипник [1, с. 4]. «Термин “диалог”, — утверждает философ-культуролог А. А. Пелипенко, — может в известном смысле служить примером того, как современное научное сознание работает с общими понятиями: все примерно представляют о чем идет речь, но никто ясно не может определить что же это такое» [2, с. 64].

Сложилась парадоксальная ситуация: к проблеме концептуализации диалога «ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [3, с. 6]. Российская политическая наука, не имеющая, в отличие от целого ряда смежных наук, собственной научной школы

изучения диалога, вынуждена обращаться к иным областям научного знания, которые, в той или иной степени, актуальны для работы политологической парадигмы диалога государства и гражданского общества.

Профессор из США Р. Арнетт предполагает, что несколько туманные и расплывчатые контуры диалога больше напоминают картину художника-импрессиониста, чем четкую и ясную фотографию [4, р. 3]. Это приводит к тому, что если одни исследователи под диалогом подразумевают только мирное, бесконфликтное и гармоничное взаимодействие между его субъектами, то другие утверждают, что конфликты, дискуссии, споры, борьба точек зрения и мнений являются наиболее существенными признаками диалогических отношений. Данное обстоятельство порождает альтернативные, взаимоисключающие друг друга, теоретико-методологические подходы к классификации и типологии диалогических дискурсов.

«Вопрос о классификации диалогических дискурсов является достаточно сложным, — пишет по этому поводу лингвист Т. Н. Колокольцева, — поскольку «в науке существует большое количество разноречивых точек зрения на этот счет» [5, с. 25]. Многообразие диалогических дискурсов, сложность их организации, продолжающееся расширение границ диалогической коммуникации «ставят исследователей перед необходимостью вновь и вновь обращаться к проблеме классификации диалогов» [6, с. 76].

Д. Таннен, профессор лингвистики и культурологии из Джорджтаунского университета

в США, полагает, что главный аргумент культуры современного общества — это всепроникающая воинственная атмосфера, которая побуждает относиться и к миру, и к людям, живущим в нем, в состязательно-агонистическом наклонении. В связи с этим свою «главную книгу» она назвала «Аргумент культуры: переход от дебатов к диалогу». В современной цивилизации, по мнению Д. Таннен, основным содержанием культуры стало так называемое «критическое мышление». А «главный аргумент» такого рода культуры — это словесные перепалки, вербальные дуэли, конфронтация мнений, ругань, оскорбления, компромат и т. д. Война с наркотиками, война с раком, борьба полов, борьба за сферы влияния в политике — это все аргументы культуры, это военные либо, в лучшем случае, спортивные метафоры, которые буквально пронизывают своей агрессивностью любой дискурс и формируют соответствующее милитаризованное мышление. С точки зрения Д. Таннен, современному обществу нужны иные метафоры для «поиска истины и получения информации посредством интеллектуального обмена». В том числе, как полагает Д. Таннен, и на основе поворота от конфронтационного типа дискурса к конструктивному партнерскому диалогу, пересмотрев существующую точку зрения на то, что «зрители всегда предпочитают драку» [7, р. 63–64].

Г. П. Грайс сформулировал нормативные постулаты ведения спора, дебатов и диалога, которые, по его мнению, должны быть основаны на принципе кооперации. Согласно принципам Г. П. Грайса, участник коопера-

тивной диалогической коммуникации должен вносить свой вклад в разговор, понимать цель или направление разговора, в который он вовлечен, а высказывания участников должны быть ясными, честными, эффективными и уместными, то есть релевантными коммуникативной ситуации [8].

Физик Д. Бом — один из наиболее оригинальных теоретиков диалога, который уже в преклонном возрасте пришел к выводу, что многие ученые мирового уровня развивали свои самые креативные идеи через общение и диалог друг с другом. Д. Бом полагает, что понятие диалог довольно «часто используется для обозначения других вещей, например, компромиссов, переговоров или дискуссий» [9, р. 8]. Для Д. Бома, как и для его последователей, полемика, дискуссия, дебаты, споры, обсуждения и даже переговоры — это не диалог. Д. Бом определяет диалог как форму общения, направленную на взаимопонимание индивидов, в процессе которого его участники совместно создают что-то новое.

Для В. Айзекса «диалог — это особая форма общения с возможностью совершенствования процессов совместного познания, координации действий внутри коллектива и достижения подлинных социальных изменений» [10, р. 20]. Цель переговоров — достижение согласия между сторонами, у которых есть разногласия. Диалог же нацелен на достижение инновационного понимания проблемы и, таким образом, на формирование абсолютно новой основы для мышления и действий. В ходе диалога проблемы не только решаются, но и исчезают. Цель диалога,

по мнению данного автора, заключается не столько в разрешении каких-то возникших проблем, сколько в «растворении их» [11, р. 19]. Смысл диалога состоит не в переубеждении оппонента, а в умении слушать другого и в возможности говорить о собственной точке зрения. На этой основе возникает взаимопонимание между участниками коммуникации, и выстраиваются позитивные отношения.

Еще более четко разграничение между диалогом, с одной стороны, и дебатами, с другой, проводит Д. Янkelович, который оценил важность диалога как успешного процесса для построения взаимоотношений. Для него диалог — это узкоспециализированная форма общественного дискурса, который нельзя смешивать ни с полемикой, ни с переговорами, ни с делиберацией [12, р. 41–44].

С. Лондон также отделяет диалог, в том числе делиберативный диалог, от дискуссии и дебатов. Диалог акцентирует внимание на общих интересах, а не на противоречиях и разногласиях [13]. С. Лондон проводит демаркацию между делиберативным диалогом и, как он пишет, «другими формами публичного дискурса — такими как дебаты, переговоры, мозговой штурм, консенсус». Смысл делиберативного диалога состоит в коллективном размышлении, выслушивании различных точек зрения, мнений, идей и поиске общих точек соприкосновения для решения, вынесенного на совместное обсуждение вопроса. Это не путь к консенсусу, не поиск компромисса, а процесс достижения взаимопонимания. Благодаря этому разногласия нивелируются, конфликты сглаживаются, трансформируются

и преобразуются в социальную практику общих действий и совместных дел [13].

По мнению И. А. Кумкина, диалог является формой intersubъективной коммуникации или процессом субъект-субъектного взаимодействия, двустороннего общения, предполагающего наличие общего смысла. Диалог всегда ориентирован на выявление обоюдных интересов, «поиск общей позиции, процесс согласования намерений и выработку целей, действий (стратегии и тактики)» [14, с. 2]. Диалогу присущи такие черты, как открытость, взаимопонимание и поиск согласия, что может найти свое оформление в приглашении, взаимных обязательствах сторон, а также в каком-либо договоре, пакте и так далее.

Наиболее приемлемый способ ведения диалога предполагает компромисс. Компромисс исключает стремление к победе и предполагает взаимные уступки ради достижения общих интересов. В диалоге большую роль играет толерантность, допускающая «инакомыслие другого лица» и даже «деятельность оппозиции в границах, очерченных общим интересом» [14, с. 2–3].

Вместе с тем существуют и принципиально иные подходы к соотношению диалога, дебатов, дискуссии, полемики и делиберации. Безусловно, диалог — это не только сотрудничество, согласие, взаимопонимание и кооперация. Диалог вместе с тем — это и борьба мнений, и конкуренция взглядов, и состязательность идей...

Начиная с древнейших времен диалог представлял собой не только приватную беседу,

мирную беседу между ее участниками. Еще в античном полисе диалог — это публичный спор, общественная дискуссия, открытые дебаты, конкуренция мнений между гражданами полиса. По утверждению Д. В. Джохадзе, характерной чертой диалога в античной философии является то, что он выступает как импровизированная «арена диспута, «ресталище» спорящих, докапывающихся до последних оснований и значений слов, понятий, категорий» [15, с. 24].

М. М. Бахтин, трактуя диалог предельно широко, выделял такие его эристические (агональные) типы, как спор, полемику, пародию и т. д., именуя их «грубыми формами диалогизма» [16, с. 300]. В диалоге он, как литературовед и философ с эстетической специализацией, допускал не только кооперацию, но и «благожелательное размежевание (без драк на меже)» [16, с. 341]. При этом под «межой» М. М. Бахтин, скорее всего, подразумевал далекую от его научных интересов насыщенную конфликтами сферу публичной политики, то есть область общественно-политического бытия диалогического дискурса.

В отличие от сторонников кооперативного понимания теории диалога, В. Б. Родос категорично утверждает, что «полемика — самый демократичный вид диалога» [17, с. 22, 13]. А. И. Рузавин подразделяет многообразные формы и типы дискурса на две предельно широкие группы: либо на диалог, либо на монолог. К диалогу он относит «активные» типы дискурса. «Спор, дискуссия, полемика и, в принципе, любое обсуждение носят ак-

тивный характер, так как предполагают столкновение мнений, точек зрения и позиций по обсуждаемому вопросу, — пишет по данному поводу вышеназванный философ. — Поэтому они происходят не в форме монолога, а диалога» [18, с. 118]. Зарубежный исследователь А. Лайн, рассуждая о конфликтном потенциале диалога, образно сравнивает процесс диалога с ключом к «ящику Пандоры» [19].

Диалог, по мнению К. Д. Скрипника, «может определяться различным образом — в терминах действия и противодействия, вопроса и ответа, атаки и обороны или контратаки, доказательства и опровержения или критики, вызова и защиты, и целого ряда иных терминов» [1, с. 5].

Наряду с этими двумя амбивалентными точками зрения, где диалог дихотомически рассматривается либо как сотрудничество (кооперация), либо как конкуренция, борьба мнений или даже как конфликт, существуют и паллиативные подходы. Подобная интерпретация сущности диалога представляет собой более сложный и одновременно внутренне дифференцированный методологический подход при помощи метода кластеризации, то есть разграничения и объединения в группы различных классов (типов, видов) диалога. Такой методологический подход позволяет создать отсутствующую в настоящее время типологию диалога, включив в его лоно достаточно широкий кластерный спектр субъект-субъектных интеракций, расположенных в полимодальном диапазоне публичной политики, простирающемся от сотрудничества и до противоборства, от кооперации до

конкуренции.

Классификация диалога на основе кластерного подхода позволяет использовать в социальной и политической коммуникации богатый спектр его промежуточных видов, подвидов и разновидностей, простирающихся в дискурсивном континууме между его крайними полюсами. Построенная на кластерном подходе теория диалога позволяет совершенствовать технологию, методы и механизмы связей с общественностью, используя богатый репертуар разнообразных типов диалогических интеракций.

В среде российских лингвистов и социолингвистов наибольшую популярность получила классификация диалогов, предложенная А. К. Соловьевой. Проводя четкое разграничение между диалогом-спором и диалогом-ссорой, она замечает, что момент логической аргументации, свойственный спору, «в диалоге-ссоре уступает место выпадам эмоционального порядка, резким нареканиям его участников друг на друга» [20, с. 108]. В отличие от этих двух видов диалога, диалог-унисон более однообразен, поскольку он характерен для ситуации, когда «разговор происходит в объединяющей собеседников атмосфере» [20, с. 109]. Именно в таком формате унисонного типа диалога строится коммуникация В. В. Путина со своими сторонниками («Единая Россия», «Общероссийский народный фронт» и др.). В то время как для дискурса с оппонентами используется аргументация, присущая диалогу-спорам и даже диалогу-ссоре, как, к примеру, в политической коммуникации российской власти с не-

системной либеральной оппозицией.

Мы полагаем, что в публичном пространстве российской политики присутствует достаточно широкий кластерный спектр субъект-субъектных интеракций государства и гражданского общества, отличающихся своей модальностью, начиная от диалога кооперативно-унисонного типа и до эристического диалога конфликтного типа. Особым кластером диалога, пришедшим на смену морально устаревшей субъект-объектной монологической парадигме воздействия власти на общество, является убеждающий, или персуазивный, тип диалога. Такой диалог характеризуется возможностью его акторов (государства и гражданского общества) взаимодействовать друг с другом в формате субъект-субъектной коммуникации с целью переубеждения или внушения партеру по дискурсу каких-либо взглядов или идей.

Амбивалентной интенцией по отношению к агонистически-конфликтному типу общественно-политического диалога является объективно существующая в политике необходимость кооперации и координации усилий, достигаемых в ходе предварительных переговоров, консультаций и совещаний. Именно здесь заключается фундаментальное разграничение политики как «politics» и политики как «police». В первом случае политика предстает как борьба за завоевание, использование и удержание власти, как политическая конкуренция или как борьба идеологий на основе диалога конфликтного типа. Во втором варианте (публичная) политика — это совместная деятельность органов

государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества с помощью делиберативных процедур и переговорно-диалоговых площадок.

Для классификации разнообразных типов и видов диалога могут быть использованы самые различные критерии. Так, к примеру, диалоги между государством и гражданским обществом дифференцированы на основе прагматических целей.

Диалог (особенно политический диалог в «чистом» виде) может носить кулуарный, то есть непрозрачный и закрытый непубличный (тайный) характер. Интеракции государства и гражданского общества нормативно должны носить открытый, прозрачный или транспарентный характер. Их дискурс должен обладать признаками публичных коммуникаций.

Публичный дискурс государства и гражданского общества, как правило, протекает в формате «лицом к лицу». Или же может быть опосредован массмедийным форматом диалогической коммуникации. Информация, содержащаяся в таком диалоге, должна быть адресована не только непосредственным участникам, акторам, субъектам или партнерам по диалогу, но и всему обществу (публике) в целом. К примеру, такая коммуникация нередко осуществляется между президентом и лидерами политических партий. Зачастую такой способ интерактивной коммуникации граждане могут наблюдать на экране телевизоров в режиме онлайн или узнавать о его содержании из информационных сообщений в электронных или печатных средствах массовой информации. Еще один способ осуществ-

ления публичного диалога — это общенациональные дискуссии, публичные, в том числе парламентские или предвыборные, дебаты.

Еще один возможный вариант дифференциации диалогических типов — это симметрия или асимметрия коммуникации на основе различения статусов тех или иных субъектов диалога. Например, может быть горизонтальный дискурс между некоммерческими организациями или даже между различными гражданами по социально значимым для гражданского общества проблемам [21, с. 135–136]. Или же диалог (с различной степенью напряженности) между политическими партиями, общественные дискуссии, обсуждения и референдумы по наиболее актуальным и злободневным общественно-политическим вопросам. При этом степень вовлеченности в этот дискурсивный процесс акторов со стороны власти, бизнеса или социума может быть различной в зависимости от тематизации вопросов, вынесенных на обсуждение в сферу публичной политики. Учитывая неравенство коммуникационного потенциала между государством и институтами гражданского общества в современной России, можно утверждать, что асимметрия диалога между ними в настоящее время носит институциональный характер.

Разработка релевантной типологии публичного диалога, с точки зрения автора исследования, может опереться на теорию аргументации [22, с. 52–53; 23, с. 69–70]. Под аргументативно обоснованным политическим дискурсом Ю. Хабермас подразумевал общественный (публичный) диалог на основе

разработанной им этики дискурса [24, с. 194–195]. «Аргументация гарантирует, — писал по этому поводу Ю. Хабермас, — что все заинтересованные стороны свободно и на общих принципах могут принять участие в коллективном поиске истины, где ничто не принуждает кого-либо, кроме силы лучшего аргумента» [25, р. 198]. Публичные дискуссии, с точки зрения этики дискурса Ю. Хабермаса, необходимы для того, чтобы «производить верные, убедительные... аргументы» [26, с. 137].

Теория дискурса Ю. Хабермаса может быть дополнена типологией диалогических интеракций, разработанной Д. Уолтоном (D. Walton), профессором философии из канадского университета в городе Виннипега. Д. Уолтон утверждает, что в современных

условиях «любая аргументация, которую мы пытаемся оценить, должна быть представлена и, соответственно, оценена в контексте диалога, в котором эта аргументация осуществляется» [13, р. 9; 27, р. 134–135]. Логическая направленность аргументации, прагматические цели участников коммуникации, специфика риторических приемов — эти критерии были положены Д. Уолтоном в основу разработанной им типологии диалога, которая вполне применима к созданию дифференцированного типологического ряда диалогических интеракций между государством и гражданским обществом, в том числе для организации эффективных коммуникаций с применением политических PR-технологий [28, с. 10–12 и сл.; 29, с. 149–150].

Примечания

1. Скрипник К. Д. Философия. Логика. Диалог. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1996. 146 с.

2. Пелипенко А. А. Человек и культура как субъекты диалога // Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 1992. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / отв. ред. А. О. Чубарьян. 2006. С. 64–81.

3. Поцелуев С.П. Диалог и парадialog как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: автореферат дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 46 с.

Notes (transliteration)

1. Skripnik K. D. *Filosofiya. Logika. Dialog*. Rostov-on-the-Don: *Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta*, 1996, 146 p. (in Russ.).

2. Pelipenko A. A. *Chelovek i kul'tura kak sub'yekty dialoga*. Moscow: *Nauka*, 2006, pp. 64–81 (in Russ.).

3. Potseluyev S. P. *Dialog i paradiolog kak formy diskursivnogo vzaimodeystviya v politicheskoy praktike kommunikativnogo obshchestva*: thesis abstract of doctor of political science. Rostov-on-the-Don, 2010, 46 p. (in Russ.).

4. Arnett R. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and On-

4. Arnett R. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference. URL: <http://cscs.scu.edu> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2001. 260 с.
6. Колокольцева Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения. URL: <http://library.krasu.ru> (дата обращения: 30.11.2019).
7. Tannen D. *The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue*. Maryland (USA), 1998. 348 p.
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
9. Bohm D. *On Dialogue* / ed. by L. Nichol. London and New York: Routledge, 1996.
10. Isaacs W. *The Process and Potential of Dialogue in Social Change*. Educational Technology, 1996. Vol. 36. N 1. Pp. 20–30.
11. Isaacs W. *Dialogue and the art of thinking together*. New York: Random House, 1999. 428 p.
12. Yankelovich D. *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. New York: Simon and Schuster, 1999. 240 p.
13. London S. *Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue*. URL: <http://www.scottlondon.com> (дата обращения: 30.11.2019).
14. Кумкин И. А. Публичная сфера как предпосылка формирования гражданского согласия // Вестник СевГТУ. Философия. 2006. Вып. 78. going Difference. URL: <http://cscs.scu.edu> (date of application: 30.11.2019).
5. Kolokol'tseva T. N. *Spetsificheskiye kommunikativnyye edinitiy dialogicheskoy rechi*. Volgograd: *Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta*, 2001, 260 p. (in Russ.).
6. Kolokol'tseva T. N. *Sovremennaya dialogicheskaya kommunikatsiya i problemy ee izucheniya*. URL: <http://library.krasu.ru> (date of application: 30.11.2019) (in Russ.).
7. Tannen D. *The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue*. Maryland (USA), 1998, 348 p.
8. Grays G. P. *Logika i rechevoye obshcheniye*. Moscow: Progress, 1985, pp. 217–237 (in Russ.).
9. Bohm D. *On Dialogue* / ed. by L. Nichol. London and New York: Routledge, 1996.
10. Isaacs W. *The Process and Potential of Dialogue in Social Change*. Educational Technology, 1996, vol. 36, no. 1, pp. 20–30.
11. Isaacs W. *Dialogue and the art of thinking together*. New York: Random House, 1999, 428 p.
12. Yankelovich D. *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. New York: Simon and Schuster, 1999, 240 p.
13. London S. *Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue*. URL: <http://www.scottlondon.com> (date of application: 30.11.2019).
14. Kumkin I. A. *Publichnaya sfera kak predposylka formirovaniya grazhdanskogo soglasiya*. *Vestnik SevGTU. Filosofiya*, 2006, issue 78, pp. 159–169 (in Russ.).
15. Dzhokhadze D. V. *Antichnyy dialog i dialek-*

С. 159–169.

15. Джохадзе Д. В. Античный диалог и диалектика // *Философия и общество*. 2012. N 2 (66). С. 23–45.

16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

17. Родос В. Б. Теория и практика полемики. Томск: Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева, 1989. 55 с.

18. Рузавин Г. И. Логика и аргументация: учебное пособие для вузов. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 351 с.

19. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York. New York, 2005. URL: <http://web-cache.googleusercontent.com> (дата обращения: 30.11.2019).

20. Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах теории диалога // *Вопросы языкознания*. 1965. N 6. С. 103–110.

21. Зайцев А. В. Гражданский диалог в ЕС и Евразийский интеграционный процесс // *ВН: Международные отношения*. 2012. N 1. С. 130–148.

22. Зайцев А. В., Рудницкая Т. Ю., Тарковский В. Н. Типология диалога в контексте философии, логики и теории аргументации Д. Уолтона // *Genius Loci: альманах* / сост. и отв. ред. Т. А. Елшина, А. В. Зайцев. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. Вып. 2. С. 51–59.

tika. Filosofiya i obshchestvo, 2012, no. 2 (66), pp. 23–45 (in Russ.).

16. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: *Iskusstvo*, 1979, 424 p. (in Russ.).

17. Rodos V. B. *Teoriya i praktika polemiki*. Tomsk: *Tomskiy gosudarstvennyy universitet im. V. V. Kuybysheva*, 1989, 55 p. (in Russ.).

18. Ruzavin G. I. *Logika i argumentatsiya*. Moscow: *Kul'tura i sport, YUNITI*, 1997, 351 p. (in Russ.).

19. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York. New York, 2005. URL: <http://web-cache.googleusercontent.com> (date of application: 30.11.2019).

20. Solov'yeva A. K. *O nekotorykh obshchikh voprosakh teorii dialoga. Voprosy yazykoznaniya*, 1965, no. 6, pp. 103–110 (in Russ.).

21. Zaytsev A. V. *Grazhdanskiy dialog v ES i Evraziyskiy integratsionnyy protsess. NB: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2012, no. 1, pp. 130–148 (in Russ.).

22. Zaytsev A. V., Rudnitskaya T. Yu., Tarkovskiy V. N. *Tipologiya dialoga v kontekste filosofii, logiki i teorii argumentatsii D. Uoltona*. Kostroma: *Kostromskoy gosudarstvennyy universitet*, 2019, issue 2, pp. 51–59 (in Russ.).

23. Zaytsev A. V. *Klasternaya differentsiatsiya dialogicheskikh interaktsiy gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sfere publichnoy politiki: teoriya i praktika. Sotsiodinamika*, 2016, no. 12, pp. 68–75 (in Russ.).

24. Zaytsev A. V. *Yurgen Khabermas i ego di-*

23. Зайцев А. В. Кластерная дифференциация диалогических интеракций государства и гражданского общества в сфере публичной политики: теория и практика // Социодинамика. 2016. N 12. С. 68–75.
24. Зайцев А. В. Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2012. Том 18. N 5. С. 190–196.
25. Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge (Mass.), 1990. 228 p.
26. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
27. Walton D. *Commitment in Dialogue*. Albany: State University of New York Press, 1995. 235 p.
28. Зайцев А. В. Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2013. N 3. С. 5–23.
29. Зайцев А. В. Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. N 15 (158). С. 147–153.
- alogika: ponyatiye i sushchnost'*. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 2012, vol. 18, no. 5, pp. 190–196 (in Russ.).
25. Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge (Mass.), 1990, 228 p.
26. Khabermas Yu. *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye*. Saint Petersburg: *Nauka*, 2000, 380 p. (in Russ.).
27. Walton D. *Commitment in Dialogue*. Albany: State University of New York Press, 1995, 235 p.
28. Zaytsev A. V. *Dialogicheskaya model' svyazey s obshchestvennost'yu: vzniknoveniye, sostoyaniye, perspektivy*. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 2013, no. 3, pp. 5–23 (in Russ.).
29. Zaytsev A. V. *Deliberativnaya demokratiya, dialog i ikh mesto v konstellyatsii diskursa publichnoy politiki*. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2013, no. 15 (158), pp. 147–153 (in Russ.).